

ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ И ДРУГИЕ УСТОЙЧИВЫЕ ЕДИНИЦЫ

УДК 801.56

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВЫХ ФРАЗ НА ОСНОВЕ ЭВФЕМИЗАЦИИ И ДИСФЕМИЗАЦИИ

В.Т.Бондаренко

LEXICAL VARIATION OF FIXED PHRASES BASED ON EUPHIMIZATION AND DYSPHEMIZATION

V.T.Bondarenko

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого, tgpu@tula.net

Анализируются случаи варьирования устойчивых фраз в тексте при реализации говорящим стратегий эвфемизации и дисфемизации. Применение данных стратегий объясняется, с одной стороны, условиями употребления, не допускающими использования вульгарных компонентов, а с другой стороны, субъективными намерениями говорящего, связанными как с желанием следовать постулатам общения, так и усилить оценочный потенциал фразы.

Ключевые слова: устойчивая фраза, эвфемизм, дисфемизм, имплицирование

The paper deals with variation of fixed phrases when strategies of euphimization and dysphemization are used. The strategies are applied, on the one hand, because of the terms of use under which vulgar words are off-limits; on the other hand, because of the author's intentions (desire to follow conversational postulates and to intensify phrase's potential).

Keywords: fixed phrase, euphemism, dysphemism, implication

В варьировании устойчивых фраз [1] важную роль играют процессы эвфемизации и дисфемизации, определяемые лингвосоциальными факторами.

В составе русской фразеологии есть немало сильнооценочных выражений (в том числе и так называемых матовых), которые относятся к числу грубых, вульгарных или совсем неприличных и считаются по этой причине нежелательными или запретными для употребления в культурной речи. Являясь неизбежным продуктом социально-экономической и культурно-бытовой истории общества, «непристойные» устойчивые фразы известны большой массе носителей языка и, несмотря на налагаемый запрет, активно используются в устной речи (разговорно-бытовой, непринужденной, эффективной). Более того, они сравнительно легко проникают и в язык современной художественной литературы, и периодической печати.

Ср.: — *А помнишь, мы с тобой рыбачили и у тебя не клевало? — задирался Витюха. — У нас клюет, а у тебя, гляжу, нет. Почему думаешь? — Почему? — Рыба любит простодушных, — ответил Витюха. — Она им верит и... попадает на крючок. А ты хитрый и запомни: на хитрую задницу есть ключ с винтом!* (А.Развалов); — *Не прячься за других. А то наловчились: чуть чего, так сразу язык в ...*. Говори! (В.Шукшин). Ср. еще: *Рыбку удим, а есть хрен будем; На хрена волку жилетка — по кустам ее трепать?*

Для сохранения образно-смыслового строя и экспрессивного заряда подобных устойчивых фраз и

вовлечения их в сферу действия принятых языковых норм авторы речи прибегают к эвфемизации — прикритому и смягченному обозначению элементов, признанных грубыми или нецензурными.

Л.И.Ройзензон и С.И.Ройзензон отмечают два способа превращения неприличных выражений в приличные: а) редукция (пропуск) нежелательного словоэлемента в составе выражения; б) замена непристойного («крепкого») слова приличным словом [2].

Первый способ эвфемизации вульгарных устойчивых фраз наиболее распространен в языке художественной литературы. Чтобы обойти цензурный запрет и ввести устойчивую фразу в текст, автор или пропускает неприличное слово, или сокращает это слово до начальной буквы. Такое использование фраз рассчитано на ее адекватное восприятие, предполагает знание адресатом полной (нередуцированной) формы выражения.

Приведем примеры: — *Будь ты у меня в кузне подручным, никто из хуторных и «ох» бы не сказал, но ведь ты же всему нашему хозяйству голова... А голова — великое дело, парень. Недаром в старину, когда казаков на сходках за провинку секли, была такая поговорка: «Пуцдай... будет красная, была бы голова ясная». А вот голова-то у нас в колхозе и не дюже ясная, трошки мазаная* (М.Шолохов); — *А примут нас кадеты? Злобу они имеют на верхнедонцов. — Курочка в гнезде, а яичко... Нечего об этом толковать! — Григорий надел шапку, вышел в коридор. Через дверь слышал, как Георгадзе, шелестя сворачиваемой бумагой карты, отвечал...*

(М.Шолохов); — Да вы что, в молчанку сюда пришли играть?! — загремел он (Кречев — В.Б.). — Или языки бабам за пазуху положили? Или хозяйством более не распоряжаетесь? Позабыли свое звание, да? Возле стенок завопились, слышались смешки, и бойкий петушинный голос отчеканил: — Дак вы нас к тому и зовете — и хозяйство, и жену отдай дяде, а сам ступай к б... (Б.Можжаев); — Что? — возмущался Витька. — И это не так! Ну поставь тогда, другие съедят! И пусть сам приходит, нечего других посылать! Тоже — барин! — Вчерашнее, что ли? — спрашивал Почечкин. — Ты луку поел? — в свою очередь спрашивает Витька. — Или так...? Ты что, не видишь? (А.Волос).

Сокращение в неприличном выражении конечного лексического элемента соответствует общей тенденции, действующей в сфере фразеологии и связанной с принципом языковой экономии, — имплицированием, когда говорящий, используя прием стилистического умолчания, недоговаривает фразу до конца [3]. Эллиптированная фраза в этом случае произносится с интонацией незавершенности (на письме это выражается постановкой многоточия). Ср., например, преднамеренную авторскую недосказанность устойчивой фразы в следующем примере:

И в это время пришли Саика с Валеи. Пришли веселые. Саика вовсю дурачился. — Спорим? — кричал он. — Давай спорить. — Чего вы? — спросила Нина. — Она не верит, что я могу выпить бутылку вина, не держась руками. — Кто спорит, тот... (В.Шукишин).

Второй путь появления и формирования «печатных» вариантов основан на лексической субституции. В соответствии с общими принципами общения (кооперативность, вежливость) субъект речи сознательно заменяет «резкий» компонент в составе устойчивой фразы нормативным. Такая мена заметно уменьшает и смягчает прагматическое воздействие фразы. Ср.: **Жену отдай дяде, а сам ступай к тете; На хитрую скважину есть ключ с винтом; Наше дело не рожать, застегнулся и бежать; Плохому танцору всегда каблук мешают (сапоги, ботинки жмут)** и др. Например:

— Значит, весь мой личный заработок отдавать тебе дочиста и дожидать урожая? — Не мне, а в колхозную кассу. Поскольку кузница будет не твоя личная, а колхозная, записанная в неделимый фонд. — Выходит, отдай жену дяде, а сам ступай к тете... Нет, так я не согласен (С.Антонов); — Думаешь, я не знаю, чего ты так осмелел? — сипло прошипел он (инспектор — В.Б.). — Или не ведаю, с кем сегодня ночью гулял? Все знаю, все ведаю. Думаешь, шипек прикормил, припоил, девочек под них подстелил, и все? Твоя взяла? Ничего, на хитрую скважину есть ключ с винтом (Л.Шорохов); Якушка понимал, что не каждому дано выбирать направление классовой борьбы. Одни направляют, другие исполняют. **Наше дело не рожать, застегнулся — и бежать.** Эту обязанность Якушка мог исполнить в любое время дня и ночи (Б.Можжаев); — ...А что у Хрипушина тут ничего не вытанцовывалось — это пусть вас не смущает. Ведь известно: **плохому тан-**

цору всегда... ну, скажем для деликатности, **каблуки, что ли, мешают** (Ю.Домбровский).

В речевой действительности происходит и противоположный процесс — дисфемизация, рождающая и пополняющая разряд грубо фамильярных и табуированных фразеологических выражений. Так, зафиксированная в Словаре пословиц русского народа В.И.Даля **Дом вести — не задом трясти** встречается в нескольких литературных вариантах: **Дом (хозяйство) вести — не бородой (вожжей, штанами, юбкой) трясти**. Ср.: — ...А мужику, брат, конец подходит. — какой же конец? Все в колхоз соберемся, и мужик сохранится. — Э, нет! Мужик — лицо самостоятельное. Хозяин! **А хозяйство вести — не штанами трясти.** То есть мужик способен сводить концы с концами — и себя кормить, и другим хлебушко давать (Б.Можжаев).

В следующем примере мы имеем дело с явной языковой вульгаризацией пословицы: ситуация вынуждает говорящего высказаться в грубо-обидной для адресата форме с целью достижения максимального отрицательного воздействия.

— Подай ключи от подвалов! — гаркнул Сопронов Жучку, но тот сделал вид, что не слышит. Он только что обратился к Фотиеву: — И ты, Асикрет Ливодорович, заодно с ими? Добро, парень, очен-но добро! Давно бы так... **Хозяйство вести не мудьи трясти, тут легче.** Дело у тя пойдет... (В.Белов).

Ср. также: **Хрен гну — Баранки гну; Котелки гну; Кто его знает — Хрен его знает.** — Ну?... — скосоротился малолеток, вроде Макси. — **Хрен гну!** Вишь, у меня локоть-то не ходит (В.Шукишин). **Кто-то позвал Корнеева.** — Ну? — на чалдонский манер отозвался Корнеев. — **Котелки гну — недорого беру,** — быстро, словно высыпал из решета горох, проговорил расхристаный человек, мотнул головой в сторону (В.Поволяев).

Не всегда можно однозначно решить, что первично, а что вторично: произошла ли эвфемизация неприличной устойчивой фразы или, наоборот, вполне пристойное выражение трансформировалось в результате лексической субституции в непристойный вариант: **Ему плюй в глаза, а он говорит: божья роса; Есть на козе шерсть; Не плюй против ветра; Нам, татарам, один черт; Помер Максим, ну и хрен с ним; Ши — хоть порты полощи.** Ср.: Пороки же государственной деревни выглядели проще и поэтому воспринимались человеком обыденно: вроде как в лугах сгорела совхозная скирда. **«Умер Максим, ну и хрен с ним!»** — над чем тут убиваться, потешаться или скорбеть молчком? Пустая прибыль — утрата. А сама жизнь требует каждодневных встрясок и жертв (А.Развалов); **Умер Максим, ну и бог с ним; Жрать она за четверых управляется, а работать...** Эх, совесть-то у людей! **Ты ей плюй в глаза — скажет: божья роса!..** (М.Шолохов); Ну, постыдил, поругал. Они (казаки — В.Б.) отреклись: мол, «сроду мы его не убивали, упаси бог!» А по глазам ихним б... вижу — они ухондокали! Чего же ты с них возьмешь? **Ты им мочишь в глаза, а им все — божья роса** (М.Шолохов).

References

-
1. Бондаренко В.Т. Устойчивые фразы в русской речи. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н.Толстого, 2011. 153 с.2. Ройзензон Л.И., Ройзензон С.И. Эвфемизация в области фразеологии // Вопросы фразеологии. XV. Самарканд, 1980. С. 62-68.3. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1989. 287 с.	1. Bondarenko V.T. Ustoychivye frazy v russkoy rechi [Fixed phrases in Russian speech]. Tula, TSPU Publ., 2011. 153 p. (In Russian)2. Royzenzon L.I., Royzenzon S.I. Evfemizatsiya v oblasti frazeologii [Euphemisation in phraseology]. Voprosy frazeologii [Phraseology issues], Samarkand, 1980, no. 15, pp. 62-68. (In Russian)3. Mokienko V.M. Slavyanskaya frazeologiya [The Slavic Phraseology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 287 p. (In Russian)